

О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса¹

Аннотация. В статье содержится попытка выявления круга факторов и обстоятельств, которые в самое ближайшее время будут определять вектор развития системы права и системы законодательства Российской Федерации, да и правовой системы в целом. Показывается обусловленность права как универсального социального регулятора теми процессами, которые происходят в различных сегментах общества, и прежде всего в экономике. По этой причине в статье больше говорится о неправовых факторах. Прежде всего о пандемии, которая со всей очевидностью разрушает сложившиеся формы бытия как на национально-государственном уровне, так и на мировом. В этой связи ставятся под сомнение провозглашенные ранее ориентиры развития страны, которые нашли отражение в экономических, политических и юридических доктринах. В первую очередь это касается той экономической системы, которая сложилась в ходе реформ последних 20—30 лет, которые фактически привели к деиндустриализации страны и трудно преодолимой технологической отсталости. Высказывается предположение о постепенном сворачивании глобального экономического проекта и об ориентации государств на максимальное удовлетворение потребностей внутреннего рынка. В этой связи неизбежно возникнет вопрос трансформации правовой системы в условиях новой реальности.

Ключевые слова: глобализация; кризис; право; система; технологии; цифровизация; урбанизация; законодательство; тенденции; теория права.

Для цитирования: Корнев А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6. — С. 11—22. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.011-022.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

© Корнев А. В., 2020

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

Kornev_av@rambler.ru

Some Trends in the Development of the Russian Legislation System in the Conditions of Crisis²

Arkady V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
Kornev_av@rambler.ru

Abstract. The paper investigates the range of factors and circumstances that will determine the vector of development of the system of law and the system of legislation of the Russian Federation, and the legal system as a whole. The author demonstrates the conditionality of law as a universal social regulator of the processes that occur in various segments of the society, primarily in the economy. For this reason, the paper is devoted to factors that are not associated with law. First, the paper deals with the pandemic issues that have obviously destroyed conventional forms of existence both at national and international levels. In this regard, the country's earlier development guidelines, which are reflected in economic, political and legal doctrines, are called into question. First, this applies to the economic system that has developed in the course of the reforms of the last 20—30 years, which have effectively led to the deindustrialization of the country and technological retardation that is difficult to overcome. It is suggested that implementation of a global economic project should be curtailed and that States should primarily focus on meeting the needs of the domestic market. In this regard, the issue of transforming the legal system in the context of a new reality will inevitably arise.

Keywords: globalization; crisis; law; system; technologies; digitalization; urbanization; legislation; trends; theory of law.

Cite as: Kornev AV. O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya sistemy rossiyskogo zakonodatelstva v usloviyakh krizisa [Some Trends in the Development of the Russian Legislation System in the Conditions of Crisis]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(6):11—22. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.011-022. (In Russ., abstract in Eng.).

Прежде чем освещать суть заявленного вопроса, хотелось бы отвлечься на некоторые темы, которые, казалось бы, несколько отдалены от законодательства, его системы и структуры. Однако всё в мире взаимосвязано. Этому нас учит диалектика, начало которой заложил еще Гераклит, уроженец города Эфеса, что в Малой Азии. «Все течет, все меняется, и дважды тебе не войти в одну и ту же реку». За глубокомыслие и некоторую загадочность при жизни получил прозвище Темный. Выдающийся отечественный философ А. Ф. Лосев полагал, что Гераклит всячески подчеркивает пребывание в смене, постоянство в изменении, тождество в перемене, меру в становлении, единство в раздвоении, вечность в преходящем. Наследие Античности получило отражение и развитие в интеллектуальных практиках европейской цивилизации начиная с Возрождения, что отчетливо

проявилось в творчестве Данте и других титанов этой исторической эпохи³.

Правда, в последнее время к диалектическому восприятию действительности стали предъявлять определенные претензии. Так, авторы одного из учебных пособий в своей книге поместили параграф с говорящим названием «О так называемой “диалектике”». Они утверждают, что закон борьбы противоположностей, названный «ядром диалектики», явно неприложим к природе. Есть претензии к закону отрицания отрицания, закону перехода количественных изменений в качественные. Их вывод таков: «Указанная систематизация диалектики представляет собой, таким образом, причудливое сочетание положений, одни из которых неясны, другие не универсальны, третьи несовместимы

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16114.

³ Анатомия мудрости. 106 философов. Жизнь. Учение. Судьба : в 2 т. / сост. П. С. Таранов. Симферополь, 1995, Т. 1. С. 120 ; Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 2017. С. 179.

с рациональным мышлением»⁴. Ими высказана версия, что Гераклит удостоился прозвища Темный как раз за свою «диалектичность». Кроме того, обозначена позиция, что диалектика была воспринята в философии, которая отстаивала идеалы закрытого (коллективистского) общества.

Не совсем понятно, зачем политические аргументы используются для дискредитации диалектического восприятия действительности. Впрочем, мы живем в эпоху постмодерна. А он, как известно, отменяет истину, подменяя ее равноправными мнениями. И совсем неважно, насколько эти мнения являются обоснованными. Категорично, но в целом верно мыслит С. Кара-Мурза: «Постмодернизм — это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще»⁵.

Есть всего лишь суждения, которые могут формировать любое множество реальности. Напрашивается параллель с тем, что описал И. А. Гончаров: «Освободясь от деловых забот, Обломов любил уходить в себя и жить в созданном им мире»⁶. Постмодерн, как мне кажется, формирует аутический тип сознания и адекватные ему формы восприятия действительности.

Кстати сказать, коллективистские общества, как учит нас история и уже теперь современность, более удачно справляются с форс-мажорными обстоятельствами. Еще недавно мы существовали в обстановке относительного социального комфорта. Не особенно заботили санкции, гибридные войны и прочие приметы времени.

Современный мир оказался несколько травмированным внезапно появившейся угрозой, имя которой COVID-19. Характер этой внезапности пока неизвестен. Может быть, в будущем мы узнаем истинное происхождение эпидемии, которую ВОЗ уже квалифицировала как пандемию. Бюджет этой организации составляет 4 млрд долл. Тем не менее вакцина пока не создана.

Многие государства пытаются решить эту проблему в одиночестве.

Право — порождение экономики. Впрочем, как и политики. У них одна основа — собственность и всё, что с ней связано. Не случайно сказано, что собственность и право рождены вместе. У них общая судьба (И. Бентам).

Право как универсальный регулятор общественных отношений и как один из инструментов формирования нужной социальной реальности — явление цивилизации и культуры. Оно, разумеется, оказывает огромное влияние на действительность, на те отношения, которые имеют место в обществе. В юридической науке сегодня бытует мнение, что право якобы живет само по себе и развивается по своим собственным законам. Рискую быть обвиненным в юридическом позитивизме, чего я несколько не опасаясь, еще раз обозначу свою позицию: право (закон) (позволю себе их отождествить в данном контексте) есть инструмент государства и в какой-то мере общества, который они используют для достижения своих целей. И эти институты активно пользуются правовым инструментарием. Право можно уподобить скальпелю в руках хирурга. Он подчиняется воле врача и никак не может ему что-либо диктовать. Точно так же, как и закон. Различение права и закона, широкое понимание права, приоритет естественного права по отношению к позитивному и прочие интеллектуальные игрушки юридического либерализма не способны отменить реальность. Все это напоминает времена так называемого юридического мировоззрения, которое начало формироваться как некий предвестник буржуазных революций в Европе. Тогда казалось, что общество можно заставить развиваться в том направлении, которое указано в законах.

Мы должны понимать, что право, а конкретно — правотворчество и правореализация, включая правоприменение, представляет собой основной канал воздействия государства на общество. Сегодня все институты государства держат очень серьезный экзамен на прочность. Ак-

⁴ Ивин А. А., Никитина И. П. Философия науки. М., 2017. С. 87.

⁵ Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. М., 2011. С. 87.

⁶ Гончаров И. А. Обломов. М., 1985. С. 49.

тивизировались силы «внутренней эмиграции», которым уже нечего терять ввиду безрадостных политических перспектив. Они предельно политизируют сложившуюся эпидемиологическую ситуацию для того, чтобы максимально дискредитировать власть в глазах населения перед голосованием по внесению поправок в Конституцию Российской Федерации. В настоящее время правовая система России подвергается серьезной трансформации. И это, пожалуй, главная тенденция ее эволюции.

Представляется, что три главных фактора сегодня будут определять дальнейшее развитие нашего общества, которое уже мыслило себя в трендах движения современного мира и прежде всего развитых государств. Мы же понимаем, что одинакового уровня у всех быть не может в силу самых разных причин. Дж. Грей, например, полагает, что в матрицах рыночных институтов заключены особые для каждого общества культурные традиции, без поддержки со стороны которых система законов, очерчивающих границы этих институтов, была бы фикцией. Такие культурные традиции исторически чрезвычайно разнообразны: в англосаксонских культурах они преимущественно индивидуалистические, в Восточной Азии — коллективистские или ориентированные на нормы большой семьи и т.д. Идея какой-то особой или универсальной связи между успешно функционирующими рыночными институтами и индивидуалистической культурной традицией является историческим мифом, элементом фольклора. Рыночные институты вполне законно и неизбежно отличаются друг от друга в соответствии с различиями между национальными культурами тех народов, которые их практикуют. Единой или идеально-типической модели рыночных институтов не существует. Рыночные институты, не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнуты теми народами, которым они навязаны⁷.

Разнообразие культур либеральное сознание считает атавизмом. Должен существовать некий стандарт, неважно где — в экономике, политике, праве. И к этому стандарту все должны стремиться, чтобы претендовать на статус «современного» государства.

Фактор первый — глобализация. Есть все основания готовить политические поминки по раскрученной до немыслимых высот идеологии. Эпидемия (пандемия) со всей очевидностью показала мифологичность гениально сконструированного механизма управления миром. Глобализация есть пришедшая на смену колониализму форма относительно мягкого господства. Господ не может быть много. Макс Вебер, правовед и социолог, четвертый том лучшей социологической книги XX в. «Хозяйство и общество» назвал «Господство». Это касается, правда, национального государства. Тем не менее в ней хорошо описана социология господства. «Господство в самом общем смысле, — пишет М. Вебер, — не связанном с его конкретным содержанием, является одним из важнейших элементов действия общности»⁸.

Глобализация как раз и предполагает общность, только гораздо более обширную. Предчувствовал наступление новой эпохи и один из самых глубоких мыслителей XX в. Карл Шмитт. Его нередко квалифицируют в качестве выдающегося критика либерализма⁹. Либерализм как политическая идеология и породила глобализм. Свою политическую теорию он выстраивал в парадигме «друг — враг». Либерализм, как предполагал Шмитт, ослабит Европу и усилит США как будущего ведущего мирового игрока.

В современном мире происходит трансформация господства. По мнению В. С. Степина, характерный для техногенной цивилизации пафос покорения природы и преобразования мира порождает особое отношение к идеям господства силы и власти. Отношения личной зависимости перестают здесь доминировать и подчиняются новым социальным связям. Их сущность определена всеобщим обменом результатами

⁷ Грей Дж. Поминки по просвещению. М., 2003. С. 113—114.

⁸ Вебер М. Хозяйство и общество : в 4 т. М., 2019. Т. 4. С. 17.

⁹ Алексеева Т. А. Современные политические теории. М., 2000. С. 237.

деятельности, приобретающими форму товара. В результате в культуре техногенной цивилизации происходит своеобразное смещение акцентов в понимании предметов господства силы и власти — от человека к произведенной им вещи¹⁰.

После СССР стал формироваться новый, как его называли, однополярный мир с единым финансовым центром. Глобализация предполагает очень четкую экономическую схему, объективированную в Бреттон-Вудской системе. Федеральная резервная система печатает деньги. Денежные суммы легализуются через транснациональные банки. На эти деньги строятся предприятия в странах с дешевой рабочей силой. Продукты, которые они производят, возвращаются туда, откуда пришли доллары — фантики. Затем те же банки кредитуют приобретение этих товаров. Всё вроде бы хорошо. Но такая схема привела к деиндустриализации США и перестала устраивать Китай — мировую фабрику на сегодняшний день. Нравится это кому-нибудь или нет, но сегодня мировую повестку дня формируют две страны — США и Китай. ВВП Китая составляет чуть больше 16 трлн долл. Примерно столько же США, хотя официально они показывают больше, что, по всей видимости, не соответствует действительности. В этой стране рост ВВП примерно 6 %. Вместе с тем объем денежной массы, ничем и никак не обеспеченной, составляет примерно 25 %. По идее, реальный уровень инфляции составляет 19 %, который удастся минимизировать исключительно за счет бухгалтерских уловок. США создают и контролируют сферу финансов, а Китай — торговлю. У Китая огромный внутренний рынок, и если он вознамерится ограничить поставку товаров, то все в этом мире реально страдают.

США производят чуть больше 20 % мирового ВВП (как некогда сталинский СССР), а потребляют из него около 40 %. Насчитывая только около 5 % жителей Земли, они расходуют 23 % всей энергии, съедают 15 % мяса, на американских дорогах колесят 37 % всех машин мира. Сегодня американец потребляет энергии в четыре с

лишним раза больше, чем усредненный житель планеты, тратит в три раза больше воды, производит в два раза больше мусора и вырабатывает в пять раз больше углекислого газа.

И еще несколько цифр. Те, кого называют «золотым миллиардом», в 2001 г. распоряжались почти 85 % мирового продукта (в 1960 г. — 70 %), на них приходилось 84 % мировой торговли и 85 % финансовых накоплений. Если в 1960 г. различия в доходах между наиболее богатыми и беднейшими 20 % населения соотносились как 30 : 1, то к концу 2010 г. — как 100 : 1. На январь 2017 г. половина мирового богатства находилась в распоряжении *всего восьми (!)* человек — они владели таким же объемом средств, что и 3,6 млрд жителей планеты¹¹.

По состоянию на 1 декабря 2018 г. доля США в мировом ВВП составляла 23,5 %; Китая — 16,2; Российской Федерации — 1,9 %. Нужны оговорки. Первая: международным рейтинговым агентствам доверять в полной мере не стоит. Вторая: самый ликвидный товар, производимый США, — доллары, Российской Федерацией — нефть, которая сейчас мало востребована, да и в будущем ее потребление сократится. Мир переходит на ресурсосберегающие и возобновляемые технологии.

Законный вопрос: что дальше? Прав был Д. И. Менделеев: «Любая аргументация без цифры есть пустая болтовня и напрасная трата времени». Китай строит социализм под руководством коммунистической партии и свято чтит того же Маркса, которого у нас сначала обожествовали, а затем его учению попытались придать чуть ли не комический характер. Напрасно! «Капитал» К. Маркса, который завершал его друг, предприниматель Ф. Энгельс, по итогам первого кризисного 2008 г. стал едва ли не самой продаваемой книгой в Европе. Неомарксист Терри Иглтон, один из самых влиятельных литературных критиков и философов современности, свою очередную книгу назвал вызывающе просто — «Почему Маркс был прав». В ней он подчеркивает несостоятельность 10 самых главных упреков в адрес учения Маркса, активно исполь-

¹⁰ Степин В. С. История и философия науки. М., 2014. С. 141.

¹¹ Вдовин А. И. СССР. История великой державы, 1922—1991. М., 2019. С. 5.

зую цифровые показатели. Как приговор звучат его слова «...капитализм не способен создать будущее, которое не являлось бы ритуальным воспроизведением настоящего»¹².

Так вот, в условиях пандемии экономическая составляющая глобализации стала как-то сворачиваться сама по себе. Еще относительно недавно набирала силу экономическая доктрина, в основе которой лежала идея о максимальной включенности того или иного государства в международную систему разделения труда. Одним из представителей данного подхода является П. Ханна.

Он считает: «Страны, города с самоуправлением, общины без границ и компании могущественнее правительств — все это свидетельства перехода к новому типу плюралистической мировой системы. Границы полномочий глобальных органов власти на наших картах связанности быстро расширяются, напоминая о том, что ни одна карта не может оставаться неизменной в постоянно меняющемся мире»¹³. П. Ханна полагает, что децентрализация — это постоянное дробление территории на все более многочисленные (и мелкие) территориальные образования, от империй до наций, от стран до провинций, от провинций до городов. Децентрализация — крайнее выражение стремления племен, территориальных общин и приходков контролировать собственную территорию, поэтому она ведет нас в эру всеобщей связанности. Децентрализация — это геополитическое воплощение второго закона термодинамики, согласно которому все системы стремятся к состоянию максимальной энтропии¹⁴.

Либеральная экономическая доктрина, лежащая в основе глобализации, терпит фиаско. Говорят, что либерализм мертв (В. В. Путин). Конечно, это преувеличение. Тем не менее сбываются прогнозы тех экономистов и политиков, которые, как могли, все эти годы «реформ» сопротивлялись деиндустриализации России.

Наши псевдореформаторы следовали советам западных консультантов, которые не знали и в принципе не хотели знать, как устроена и работает советская система образования (школа и вузы), здравоохранение, советское промышленное предприятие, система энергоснабжения и пр. Их вообще не интересовали техно-социальные системы, которые являются основой существования любого общества.

Уже сейчас понятно, что пандемия повлечет за собой экономический кризис. Как утверждают некоторые эксперты, экономику ожидают два сценария: плохой и очень плохой. Возможен и третий — настолько плохой, что никто не ожидал. Высказываются предположения, что последствия могут быть сравнимы с Великой депрессией 1929 г. (24 октября 1929, в «черный четверг», произошел обвал курса акций на нью-йоркском рынке ценных бумаг). Таким образом, она началась в США и затронула практически все страны Европы. Особенно болезненная ситуация сложилась в Германии. Ее последствия где-то косвенно, а где-то и прямо повлияли на приход к власти национал-социалистов. Отголоски депрессии получили отражение даже в художественной литературе, например в романе «Три товарища» Э. М. Ремарка. Из этого произведения следует, что в Берлине семьи на ночь нередко включали газ и так уходили из жизни, поскольку нечем было кормить детей.

В это время в СССР всего за год с небольшим была ликвидирована безработица (1 365 тыс. чел). В 1931 г. закрыта биржа труда. С 1927 по 1930 г. в СССР сдано в эксплуатацию 323 новых предприятия. В одном только 1931 г. введено в строй 518 первенцев отечественной индустрии (по одному-два в день). С 1929 по 1932 г. в СССР введено в строй 1,5 тыс. новых предприятий, а с 1933 по 1937 г. уже 4,5 тыс.¹⁵

Великая депрессия никак не сказалась на экономике молодого советского государства. Скорее наоборот. В 1924 г. в СССР работало

¹² Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М., 2017. С. 21.

¹³ Параг Х. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 76.

¹⁴ Параг Х. Указ. соч. С. 81.

¹⁵ Вдовин А. И. СССР. Указ. соч. С. 149—150 ; Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет. 1900—2000. М., 2007. С. 215.

только 23 иностранных инженера и техника. В 1932 г. трудились уже 9 190 инженеров и техников, а также 10 655 квалифицированных рабочих. Всего же в программе индустриализации принимали участие около 30 тыс. иностранных инженеров, мастеров и рабочих. Иностранные специалисты приглашались в соответствии с постановлением СНК СССР «О привлечении специалистов из-за границы» (15.02.1927) и постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) — «О привлечении иностранных специалистов» (02.08.1928). Главным консультантом советского правительства по промышленному строительству была фирма Альберта Кана из Детройта (США). Ее стараниями было спроектировано более 500 крупных промышленных объектов — тракторные заводы, автомобильные, станкостроительные. Крупнейший тракторный завод построили для СССР под Чикаго, потом его демонтировали, перевезли в Сталинград, где он был запущен всего через полгода. Советская автомобильная и тракторная промышленность многим обязана Генри Форду и специалистам основанной им компании «Форд мотор». С их помощью налаживалось производство первого серийного советского трактора «Фордзон-Путиловец» (1923).

Известный американский строитель Хью Купер был главным консультантом проекта с американской стороны при строительстве Днепрогэса, присутствовал на торжествах при его запуске (10.10.1932). Оказался среди первых иностранных граждан, награжденных орденом Трудового Красного Знамени¹⁶.

Какой из этого, собственно говоря, можно сделать вывод? Кризис никак не отразился на нашей стране в силу того, что она почти никак не была вписана в мировую экономическую систему. Молодому государству было необходимо в кратчайший срок провести такие преобразования по пути индустриализации, на которые другие страны потратили десятилетия. Оно сделало все, чтобы создать условия для удовлетворения своих внутренних потребностей и тем самым обеспечить независимость. *Пандемия показала со всей очевидностью, что в условиях*

форс-мажорных обстоятельств выйти без больших потерь для экономики могут только те страны, которые производят максимум продукции, необходимой для нормальной жизнедеятельности общества. Я хорошо помню высказывание одного члена команды Е. Т. Гайдара, который и сегодня в «обойме», поскольку возглавляет крупнейший банк. Буквально «Нам не нужны ни станки, ни самолеты. Мы всё это можем купить». Какое счастье для всех нас, что на самых ответственных направлениях развития науки, образования, промышленности работали выдающиеся организаторы, творцы, усилиями которых страна сделала такой рывок. Если же мы будем проводить ту же экономическую политику и руководствоваться обветшалой либеральной идеологией, то никакого нормального будущего у страны не будет.

Д. Трамп, при всей его экстравагантности, хочет вернуть США Генри Форда. До него несколько президентов вывозили Америку. Он желает запустить обратный процесс. Именно по этой причине ненавидим демократами, тесно связанными с финансовыми магнатами Уолл-стрита. Это очень влиятельная сила, ибо финансовый капитал в разы больше промышленного. Генри Форд полагал, что «...крупная промышленность, поскольку она стремится оказывать обществу действительные услуги, должна разбрасывать свои предприятия по всей стране, ибо благодаря этому не только достигается понижение издержек, но и вложенные в производство деньги тратятся среди того населения, которое покупает продукты. Всякий раз, когда мы строили новый завод, мы повышали покупательную силу населения и его уровень жизни и вместе с тем больше продавали ему»¹⁷.

Сегодня нужны люди с новым мышлением, ориентированным на воссоздание индустриального могущества страны. Вряд ли на это способны менеджеры, выпестованные Высшей школой экономики или РАНХиГС. Сносный разговорный английский и набор голых теоретических схем — это явно маловато для созидательной деятельности. Сколько было подготовлено вся-

¹⁶ Вдовин А. И. Указ. соч. С. 151—152.

¹⁷ Форд Г. Моя жизнь. М., 2014. С. 218.

ких стратегий, концепций, программ и прочего дорогостоящего интеллектуального хлама. Какая им цена теперь? Впрочем, на их подготовку выделялись серьезные бюджетные средства. Формально исполнители — российские, по факту — западные консалтинговые компании.

Второй тенденцией, как мне представляется, является постепенное разрушение постиндустриального урбанизма. Рост городского населения продолжался во всем мире в последние десятилетия. Во многих странах образовались огромные агломерации, в которых проживают миллионы людей. Сегодня в них образовалась явно избыточная рабочая сила, которую в ближайшее время будет очень трудно занять. Современные технологии делают ненужными многие профессии. Сейчас много работников находится на дистанционном режиме во всем мире, кроме тех служб, без которых обеспечить нормальное функционирование невозможно. Таким образом, после пандемии явно появится искушение избавиться от избыточной рабочей массы, что приведет к росту безработицы. В США, к примеру, до пандемии фрилансеров (считается, что Вальтер Скотт ввел в оборот это слово — «Айвенго»), то есть частично занятых, насчитывалось примерно 35 %. Это люди, как правило, никак не связаны трудовыми отношениями с конкретными предприятиями и фирмами. Они ждут приглашения от кадровых агентств для выполнения временных работ. Есть основания считать, что количество таких людей во всем мире только возрастет. Возникает много вопросов о юридической защищенности таких работников.

Большие города — большие проблемы. Москва тому наглядный пример. Создается такое впечатление, что население московской агломерации за последние пять лет выросло как минимум на треть. Метрополитен работает в часы пик на пределе возможностей. Сбой в его работе хотя бы на полчаса превращается в маленькую катастрофу. Все системы большого города испытывают серьезнейшие перегрузки. При этом в самой Москве любые площади власти отдают под застройку жилья. Это касается и Подмосковья. Путь на работу и домой превращается в подвиг. Строительный бизнес — один из самых

прибыльных. По оценкам экспертов, примерно 30—35 % стоимости квартиры составляют «откаты» чиновникам. Любая взятка оплачивается в конечном счете не предпринимателем, а теми, кто покупает у него товары, и закладывается в конечную цену. Азы экономики, увы — теневой.

Псевдорыночная экономика стала для России настоящим бедствием. В результате деиндустриализации и деколлективизации в структуре населения произошли колоссальные изменения. Исчез рабочий класс и крестьянство. А ведь это многомиллионная масса людей, в одночасье лишившаяся работы, привычного уклада жизни и жизненных ориентиров. В таком же положении оказались вооруженные силы, спецслужбы, которые бесконечно модернизировали с одной-единственной целью, чтобы они не мешали распределять заводы, фабрики, комбинаты и нефтяные вышки. Процесс в Лондонском суде, который затеял Б. А. Березовский против Р. А. Абрамовича, своего бывшего протеже, показал противоестественное появление на свет российской версии капитализма. Причем во всей его мерзости, аморальности и вопиющей несправедливости. Впрочем, имущественную реформу по-прежнему деликатно именуют приватизацией. Во всем мире в частные руки отдают убыточные предприятия. В России же всё наоборот. Полагаю, что приватизация может претендовать на статус самой грандиозной экономической аферы за всю историю человечества. Никакого экономического эффекта она не дала. Зато предельно поляризовала население. Коэффициент децильности в нашей стране, пожалуй, самый высокий в мире, во всяком случае, в странах, образующих двадцатку.

В конечном счете это привело к огромным демографическим потерям, соизмеримым с теми, которые имели место во время Великой Отечественной войны. Особенно в количественном отношении пострадал мужской славянский этнос из-за высокой смертности. Причины разные, если говорить объективно. Исчезли десятки тысяч деревень, а вместе с ними школы, больницы, библиотеки, фельдшерские пункты. Молодежь и люди среднего возраста массово стали переезжать туда, где есть хотя бы какая-то перспектива работы, то есть в большие города.

Канула в лету политика сближения города и деревни. Как тут не вспомнить С. Есенина, певца русской деревни: «Город, город, ты в схватке жестокой окрестил нас как падаль и мразь».

Современный город — деловой, политический, административный и финансовый центр. Технологизация современного мегаполиса вносит существенные коррективы. К примеру, если исчезнут банки и деньги в их привычном виде, то чем занять огромную массу специалистов по кредитованию, страховых агентов, курьеров, юристов и т. д. На смену банкам придет банкинг. Сбор налогов также будет компьютеризирован. Система здравоохранения уже сейчас роботизируется. Роботы ставят диагноз и проводят операции. Зачем тогда врачи в таком объеме? Но COVID-19 всем нам отчетливо показал, что система здравоохранения даже самых развитых стран оказалась не готова к этому вирусу. Без человека, оказывается, нельзя. Но что будет потом, когда мы его победим? Видимо, по какому-то недосмотру в нашей стране не до конца была демонтирована советская модель организации здравоохранения.

Одним словом, цифровизация многих видов профессиональной деятельности, роботизация и современные средства коммуникации внесут существенные коррективы в рынок труда. В группе риска многие профессии, и, следовательно, угроза массовой безработицы.

Отчетливо обозначилась еще одна тенденция — формирование бесконтактной социальной среды. Нормальные, привычные формы общения постепенно заменяются виртуальными. Наступит ли эра «постчеловека» и «безчеловека» — большой вопрос. Вольно или невольно мы приходим к солипсизму, крайней форме субъективного идеализма, в соответствии с которым для человека существует только он сам и его сознание. Другие люди, как и объективная реальность в целом, существуют лишь в восприятии, сознании человека. Если он не видит другого (других), значит, их просто нет.

Система дистанционного обучения наводит на разные мысли и вызывает ранее неизвестные ощущения. Ведь мы привыкли к осязаемым социальным контактам. «Человек монитора» — это совсем не то, что «человек текста». Традицион-

ный текст, как обоснованно считается, обладает определенной длиной, целостностью и линейной выстроенностью. Человек есть продукт своего чтения (И. Бродский). Текст приучил человека к систематической линейности. А это основа для всех видов деятельности, и прежде всего мыслительной. Он формирует рефлексивный тип сознания, то есть человек «думает о том, как он думает». Традиционный текст требует хорошей долговременной и оперативной памяти, сосредоточенного и системного мышления. Наконец, он должен выводить человека на причинно-следственные связи между явлениями.

На мониторе привлекают внимание наиболее броские слова и символы. Они словно мигающие лампочки. На них прежде всего обращается внимание. При этом восприятие информации, во всей ее целостности, остается как бы за рамками. Так возникает клиповое мышление и соответствующий тип сознания. Человек монитора принимает решения быстро и интуитивно. У него хорошо развита визуальная память, а другие виды памяти — нет. Понимание возникает у человека только тогда, когда он способен соотнести произносимое с воображаемым. Виртуальная среда явно не способствует этому. Человек монитора загружает свою жизнь клавиатурным общением.

Цифровизация всех видов юридической деятельности происходит и будет происходить. Этого нельзя остановить, да и незачем. Но здесь мы непременно столкнемся, кроме удобства, с существенными издержками. Например, передача в электронной форме юридически значимой информации гарантирует ее восприятие в наиболее полной, всеобъемлющей форме? Отнюдь. Об этом тоже нельзя забывать.

Когда мы говорим о «цифровизации права», а тем более экономики, боюсь, не до конца понимаем, что это такое. Скорее, мы имеем дело с воображаемым, нежели с действительным. Вот если сорвется посевная весной 2020 г., страну может накрыть голод. Никакие цифровые технологии не помогут. Информацию не употребляют в пищу, ее не носят как одежду и в ней не живут как в домах. Она помогает производить все это наиболее рациональным и технологическим способом.

Говоря о тенденциях, нельзя не коснуться темы национального государства. Все последние годы в западной литературе, да и у нас также, говорили о предстоящей гибели вестфальской системы, которая положила конец междоусобным войнам, утвердив представление о независимом национальном государстве, располагающем суверенитетом. Жан Боден, адвокат и профессор из Тулузы, сформировал представление о суверенитете тоже в условиях некоего форс-мажора. Теория суверенитета была удачной попыткой развести юрисдикции светского государства и католической церкви с нее притязаниями на вмешательство в дела государства. Ж. Боден считал суверенитет свойством власти, и только потом в науке и практике его стали квалифицировать в качестве признака государства. Постепенно сформировалась идея ограниченного суверенитета. Решения Ялтинской и Потсдамских конференций, которые закрепили итоги Второй мировой войны и послевоенное устройство Европы, также стали объявлять устаревшими. Строго говоря, «коллективный запад» интересует в геополитическом плане две проблемы: как остановить экономический рост, а стало быть, предстоящую гегемонию Китая и Россия с ее почти 40 % мировых природных ресурсов. Желание сменить режим в России особенно и не камуфлируется.

Сегодня роль государства кардинально меняется. Оно выступает в роли кризисного менеджера. «Меньше государства» — этот лозунг раскручивали везде и всюду. Где его действительно было мало, там мы наблюдаем наибольшие экономические и людские потери. Система здравоохранения оказалась практически беззащитной перед коронавирусом. Модель социального страхования в западном мире, особенно в США, оставляет фактически без защиты большое количество людей, поскольку они не в состоянии оплачивать медицинскую страховку.

Полагаю, что и после пандемии государству придется более активно вмешиваться в различные сферы. Сейчас все озабочены перспективой так называемого «цифрового концлагеря, цифрового рабства» с тотальным контролем жизни индивида. Да, технически это возможно. Но не это главное. Государство должно вернуться в

экономику, да и не только. Сказки типа «рынок все сам урегулирует» должны остаться в прошлом. Разговоры о «сервисном» государстве лучше тоже забыть.

Стоит упомянуть и о союзах, сообществах, содружествах. Сегодня усилились разговоры о распаде ЕС. Надо ли сегодня еще раз говорить, что так называемая евробюрократия давно превратилась в «вещь в себе». Она живет своими интересами. Стоит прямо сказать, что ЕС оказался не готов к внезапно возникшей проблеме. Принципы, на которых он формировался, фактически отброшены. Сейчас каждый за себя. Вряд ли Германия, самая мощная экономика Европы, будет спонсировать в который уже раз весь союз. Ее экономика, по прогнозам специалистов, может «просесть» процентов на 10—12. Германии в данном случае самой до себя. Не думаю, что она будет решать проблемы других стран, ибо формулу «Европа на разных скоростях» никто не отменял. А тут еще стучащиеся в дверь на правах бедных родственников, типа Украины и Грузии. Они и раньше никому не были нужны, а теперь тем более. ЕС, как мне кажется, устоит, но его модернизация неминуема. Кризис только усиливает позиции евроскептиков, а их количество и степень влияния растут. Но ведь мы долгие годы адаптировали свою систему права, легкомысленно надеясь, что интеграция приведет нас если не к членству в ЕС, то к более тесному сотрудничеству. Однако этим надеждам не суждено было воплотиться в жизнь. Если с нами и делились технологиями, то устаревшими. В автомобилестроении, например.

Наконец, о демократии. Точнее, о ее неминуемой трансформации. Можно предположить усиление авторитарных и этатистских тенденций. Традиционные модели демократии или стереотипные представления о ней уходят в прошлое. Общества прежних исторических типов сталкивались в основном с угрозами природного характера. Сегодня человек живет в трех мирах — природном, техногенном и социальном. Угроза природных катаклизмов никуда не исчезла. Зато возросли риски, связанные с техногенными авариями. Чернобыльская катастрофа нанесла существенный ущерб

привлекательности советского проекта. Мир стал говорить о том, что эта страна не может обеспечить безопасность «мирного» атома, а что же говорить о немыслимом количестве ракет с ядерной начинкой?

К этим угрозам добавились и социальные проблемы. Сейчас вызовы для общества зачастую исходят от него самого. Продолжается процесс поляризации населения по самым разным основаниям: экономическим, религиозным, социокультурным, ментальным, национальным и пр. В Китае, например, уйгур (мусульманин), женившись на девушке традиционных китайских верований, получает безвозмездную помощь в размере 1 500 долл. Одним словом, в обществе нарастают противоречия, справиться с которыми государство с либерально-демократическим режимом не в силах. Кто в состоянии, к примеру, справиться с бунтом миллионов недовольных, если они будут громить все подряд и совершать акты насилия? Так называемое сервисное государство? Смешно. Появился термин «постконституционное государство». Усиливается тенденция к увеличению срока пребывания в должности главы государства. Си Цзиньпин вполне легально стал фактически пожизненным главой Китая. Он объяснил это тем, что ему нужно еще лет 15, чтобы вывести страну в безусловные мировые лидеры. Дело ведь не в том, сколько правит тот или иной человек, а в результатах правления. Почти 40 лет правления Мубарака в Египте и практически столько же Ли Кван Ю в Сингапуре привели к совершенно разным результатам. Полагаю, что усиление роли национального государства в мире будет только усиливаться, а открытые политические системы будут постепенно эволюционировать в сторону персонифицированных режимов.

Нетрудно предвидеть в этой связи усиление публичных интересов и, как следствие, публичного права. Правда, и сегодня грань между частным и публичным правом весьма условная.

В конечном счете эти обстоятельства привели к девальвации идолов, в которые еще

совсем недавно безоговорочно верил человек постмодерна: *потребление, комфорт, технологии*.

Это в основном те факторы, которые будут определять вектор развития системы права и системы законодательства Российской Федерации. В самом общем виде можно сказать, что право будет приобретать все более технологичный характер. Если уж совсем упростить, то закон будет восприниматься не как основной источник (форма) права, а как некая инструкция, регламентирующая ту или иную деятельность.

Далее, будет возрастать роль национального права, и в конечном счете оно будет приоритетным. Национальное законодательство следует ориентировать на решение внутренних проблем, и в меньшей степени оно должно зависеть от норм, принятых в том или ином союзе или содружестве.

Ну и наконец, самое главное. После пандемии общество, скорее всего, будет предъявлять власти претензии. Характер и объем этих претензий будет зависеть от потерь. Подавляющее большинство нашего населения в той или иной степени пострадало и пострадает. Главное, чтобы этот процесс имел мирный, цивилизованный характер. Мы, наконец, имеем право спросить: «Ради чего страна испытала такие потрясения? Где та цель, которая может оправдать средства?» (Это о «реформах».) В роли средств, к сожалению, у нас традиционно выступают люди. Именно они были принесены в жертву фетишам типа рынка, свободы, демократии, индивидуализма и пр. Они очень плохо соотносятся с новой реальностью, формирующейся на наших глазах. Хочется услышать ответ. Модель «государство-фирма» потерпела полный крах. Думаю, что подобные вопросы будут возникать и в других странах.

«Мы вместе» — только лозунг момента. Мы перестали быть едиными. Хотелось бы напомнить: «...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит»¹⁸.

¹⁸ Евангелие от Матфея 12:25. Книги священного писания Нового Завета. М., 1994.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Т. А. Современные политические теории. — М., 2000. — 344 с.
2. Анатомия мудрости. 106 философов. Жизнь. Учение. Судьба : в 2 т. / сост. П. С. Таранов. — Симферополь. 1995. — 463 с.
3. Вдовин А. И. СССР. История великой державы, 1922—1991. — М., 2019. — 768 с.
4. Вебер М. Хозяйство и общество : в 4 т. — М., 2019. — Т. 4. — 542 с.
5. Гончаров И. А. Обломов. — М., 1985. — 382 с.
6. Грей Дж. Поминки по Просвещению. — М., 2003. — 366 с.
7. Ивин А. А., Никитина И. П. Философия науки. — М., 2017. — 352 с.
8. Иглтон Т. Почему Маркс был прав. — М., 2017. — 288 с.
9. Кара-Мурза С. Кризисное обществоведение. — М., 2011. — 464 с.
10. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — М., 2017. — 646 с.
11. Параг Х. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. — М., 2019. — 432 с.
12. Симчера В. М. Экономика России за сто лет. 1900—2000. — М., 2007. — 683 с.
13. Степин В. С. История и философия науки. — М., 2014. — 424 с.
14. Форд Г. Моя жизнь. — М., 2014. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 29 апреля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseeva T. A. Sovremennye politicheskie teorii. — M., 2000. — 344 s.
2. Anatomiya mudrosti. 106 filosofov. Zhizn. Uchenie. Sudba : v 2 t. / sost. P. S. Taranov. — Simferopol. 1995. — 463 s.
3. Vdovin A. I. SSSR. Istoriya velikoj derzhavy, 1922—1991. — M., 2019. — 768 s.
4. Veber M. Hozyajstvo i obshchestvo : v 4 t. — M., 2019. — T. 4. — 542 s.
5. Goncharov I. A. Oblomov. — M., 1985. — 382 s.
6. Grej Dzh. Pominki po Prosveshcheniyu. — M., 2003. — 366 s.
7. Ivin A. A., Nikitina I. P. Filosofiya nauki. — M., 2017. — 352 s.
8. Iglton T. Pochemu Marks byl prav. — M., 2017. — 288 s.
9. Kara-Murza S. Krizisnoe obshchestvovedenie. — M., 2011. — 464 s.
10. Losev A. F. Estetika Vozrozhdeniya. — M., 2017. — 646 s.
11. Parag H. Konnektografiya. Budushchee globalnoj civilizacii. — M., 2019. — 432 s.
12. Simchera V. M. Ekonomika Rossii za sto let. 1900—2000. — M., 2007. — 683 s.
13. Stepin V. S. Istoriya i filosofiya nauki. — M., 2014. — 424 s.
14. Ford G. Moya zhizn. — M., 2014. — 352 s.